

Артур Шопенгауэр

ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ

ВСТУПЛЕНИЕ

О МОИХ ЛЕКЦИЯХ И ИХ ПЛАНЕ

Я объявил "Основы общей философии" и должен поэтому в одном курсе изложить все то, что обыкновенно излагается как теория познания вообще, как логика, как метафизика природы, метафизика нравов, или этика, учение о праве, метафизика прекрасного, или эстетика, в соответствующем числе курсов.

Не в моем произволе, а в природе философии кроется причина того, что я соединяю в одно целое обычно расчленяемый материал и этим чрезмерно увеличиваю количество работы, которую я должен выполнить в пределах данного времени. Согласно с результатами, к которым привели меня мои занятия и мои исследования, единство и внутренняя связь присущи философии более, чем какой-либо другой науке; все ее части так же связаны одна с другой, как части органического тела; поэтому их, как и члены органического тела, нельзя отделять от целого и выкладывать, как *lascia tempra*, которые вне связи производят отталкивающее впечатление, - не жертвуя их важностью и понятностью их назначения. Представьте себе одаренное способностью познания существо, которое никогда не видало человеческого тела и которому показывают затем порознь и один после другого члены этого тела: разве может подобное существо получить правильное представление о целом человеческом теле или хотя бы даже об отдельном его члене? Как могло бы оно понять значение и цель кисти руки, не видя ее на руке, или значение руки, не видя ее прикрепленной к плечу? и т.д. Совершенно то же видим мы и в философии. Философия - это познание истинной сущности нашего мира, в котором существуем мы и который существует в нас, - то познание мира в общем и целом, свет которого, однажды воспринятый, освещает затем и все отдельное, что бы ни встретилось каждому в жизни, и открывает его внутреннее значение. Поэтому философское познание нельзя дробить, излагать и усваивать по частям.

Я не могу говорить о формах мышления, т.е. абстрактного познания, служащего предметом логики, не сказав предварительно о созерцательном познании, с которым абстрактное находится всегда в тесной связи, - следовательно, я не могу основательно и исчерпывающим образом изложить учения логики, не рассмотрев и не расчленив на части нашу познавательную способность в ее целом, а вместе с тем и созерцательное познание и его формы, пространство, время, причинность, - благодаря чему я попадаю уже в область, называемую метафизикой. Но если, далее, я говорю о созерцательном познании как таковом, то я рассматриваю весь мир лишь постольку, поскольку он содержится в нашей голове, т.е. лишь как чистое представление, и показываю, что всякий объект, всякий предмет может существовать лишь как представление в известной способности представлять, в известном субъекте. А так как я не могу и не должен вводить вас в заблуждение, что

мир - одно только представление и более ничего, т.е. просто фантом, пустое сновидение, то я и должен задаться вопросом, что же, в конце концов, означают все эти представления, что означает данное нам как представление, помимо всякого представления, т.е. что такое оно в себе. Таким образом, я неизбежно прихожу к учению о вещи в себе, о подлинной и истинной сущности мира, т.е. прихожу к истинной метафизике, и должен дополнить то первое рассмотрение мира как чистого представления в нас рассмотрением другой стороны мира, именно - внутренней его сущности; следовательно, я должен изложить вам всю метафизику, если не хочу принести вам всем предшествующими учениями более вреда, чем пользы, и привить вам совершенно ложный идеализм.

Если, далее, в результате наших изысканий о внутренней сущности проявляющихся как наши представления в пространстве и времени вещей получится, допустим, что эта внутренняя сущность вещей - не что иное, как то, хорошо известное и весьма знакомое нам в непосредственном самопознании, что мы называем в нас волей, то необходимым образом возникнет вопрос о значении и ценности проявления в нас этой воли, т.е. потребность в этике или, по крайней мере, в некоей метафизике нравов, которая затем только и прольет полный свет на все изученное раньше и даст возможность познать истинное его значение: ибо она рассматривает волю в себе, а все предыдущее учило нас познавать весь созерцаемый мир как проявление воли. К изложенной метафизике я должен, значит, тотчас же добавить этику или, вернее, рассмотреть в сущности ту же метафизику, только с этической стороны - к метафизике природы присоединить метафизику нравов; тем более что в противном случае были бы основания опасаться, что эта метафизика природы может привести вас к безнадежному и аморальному спинозизму, мало того - до такой степени запутать вас, что вы могли бы прийти к непониманию наиболее важного из всех жизненных явлений - великой моральной значительности всего поведения - и к упорному его отрицанию. Поэтому крайне необходимо тотчас же присоединить к метафизике природы метафизику нравов, тем более что человек по всему складу своему - скорее практическое, чем теоретическое, существо, и помыслы его до такой степени сосредоточены на действии, что во всяком исследовании, на что бы оно ни было направлено, практическая сторона является для него всегда наиболее интересною, всегда рассматривается им как настоящий результат, которому он уделяет свое внимание даже в том случае, если он не придаст никакого значения всему, что результату предшествовало. Оттого этический результат всякой философии всегда обращает на себя наибольшее внимание и справедливо считается центральным ее пунктом. Излагать же одну только метафизику нравов я совершенно не мог, так как метафизика природы служит всецело ее базисом и опорой, и я не исхожу в этике, как то делают, например, Кант и все философствующие после него, из какого-то абсолютного долженствования и необъяснимого далее категорического императива, или нравственного закона, а исхожу из чисто теоретических положений; так что бесспорно - великая моральная значительность поведения, которая открывается нам в том, что называют совестью, не постулируется мною (как Кантом и др.) без дальних рассуждений, и не выставляется как ясная сама по себе, и не делается даже основанием для гипотез, а скорее я беру ее как проблему, которая нуждается в решении и получает его из предшествующей метафизики природы, или выяснения внутренней сущности мира.

Если, таким образом, метафизика нравов должна неизбежно присоединяться к ранее предпринятым исследованиям, чтобы защитить их от недоразумений, представить их в надлежащем свете и чтобы вообще не опустить наиболее

существенного и наиболее важного для всех, то о метафизике прекрасного, напротив, нельзя утверждать этого в одинаковой мере, и ее во всяком случае можно было бы без особого вреда выпустить из хода наших рассуждений. Однако я не мог бы излагать ее взятую самое по себе и отдельно, ибо хотя она и не обуславливает необходимым образом всего предыдущего, зато сама необходимо предполагает все предыдущее и без него не может быть основательно понята. Кроме того, и она еще много привносит для лучшего понимания метафизики нравов и служит поэтому весьма полезною подготовкою к ней, да и в других отношениях во многом связана с философией в ее целом; так что целесообразно излагать ее в связи с общей философией. Поэтому я предпосылаю ее этике, а этику излагаю последней.

Вам ясны, таким образом, те основания, которые побуждают меня излагать сразу всю философию в ее целом и соединить в одно различные дисциплины, обычно разделяемые. Так как все это должно закончиться в один семестр, то само собою разумеется, что из всех этих дисциплин будут даны лишь основные истины, лишь общее, и что мы не будем входить в частности, в рассмотрение приложения общего к единичным случаям. Так, например, хотя я и изложу вам основы, сущность, важнейшие учения логики, но не буду рассматривать все возможные различные виды умозаключений. Точно так же и в этике я покажу, каково происхождение моральной значительности поведения, в чем заключается истинная сущность добра и зла, как далеко добро и зло простираются в крайних своих проявлениях, - однако не буду указывать приложения всего этого ко всевозможным житейским отношениям или излагать что-либо аналогичное тому, что называется разработанным, систематическим, законченным учением о должном. Равным образом и в учении о праве я изложу происхождение и подлинный смысл понятий права и неправды и решу главный вопрос, к которому все сводится, но не буду проследивать приложения его ко всем человеческим отношениям. Да это и не нужно: если кто хорошо понял общую сущность какого-нибудь дела, основную истину, высшие принципы, тот при некотором размышлении сам весьма легко сделает выводы относительно приложения этой основной истины к единичным случаям и применит ее ко всем фактам своей жизни; в случае же необходимости он найдет нужную справку в почти бесчисленных учебниках, в которых единичные явления по большей части перечислены и изложены довольно правильно, несмотря на то что общее схвачено неудачно и точка зрения на целое неверна.

Что касается порядка наших разысканий, то он будет следующий. После предварительного введения об изучении философии вообще мы будем исходить из представления и рассматривать мир лишь как представление, поскольку он находится в голове каждого из нас. При этом мы будем различать прежде всего двоякого рода представления - наглядные и абстрактные; сначала мы будем рассматривать наглядные представления, проанализируем их, исследуем различные их формы и узнаем, что содержится в сознании *a priori* [1] и, в силу этого, является лишь формой его, и ознакомимся с тем, как возникают и создаются наглядные представления: мы увидим, как оперирует рассудок. Затем мы рассмотрим абстрактные представления, в противоположность наглядным, мышление в собственном смысле слова, - т.е. мы рассмотрим, как оперирует разум; для этой цели мы исследуем формы и законы мышления и тем самым пройдем и основные положения логики. Это рассмотрение представлений и познания образует первую и, конечно, самую сухую часть наших исследований. Важные истины, впервые увидавшие свет со времени Канта, будут изложены по большей части в этом отделе - именно те из них, которые оказались прочными и подтвердились. Ибо некоторое посвящение в учение Канта положительно необходимо. Лишь благодаря

этому учению впервые откроется у вас - тут я вынужден выразиться несколько странно - метафизический смысл. Постигнув до известной степени учение Канта, уже совершенно иными глазами смотришь на мир. Ибо замечаешь уже разницу между явлением и вещью в себе. Я желал бы, конечно, чтобы вы самостоятельно ознакомились с сочинениями Канта и я читал исключительно перед такими слушателями, которые усвоили себе "Критику чистого разума"; а то, что в философии Канта мне кажется спорным и подлежащим исправлению, это будет легко выяснить.

1 до опыта, изначально, безусловно (лат). - *Примеч. сост.*

Вторую часть наших рассуждений составит учение о вещи в себе, т.е. о том, что такое этот мир и все явления его, которые до сих пор мы рассматривали лишь как представление, - помимо того, т.е. в себе. Это исследование можно назвать метафизикой, точнее - метафизикой природы.

За нею в качестве третьей части последует метафизика прекрасного, или основы эстетики; наконец, в качестве четвертой части, - метафизика нравов, или основы этики, включающие также философское учение о праве.

Та же необходимость, милостивые государи, которая вынуждает меня соединить все эти столь обширные учения в одном курсе и излагать их в связи друг с другом, требует от вас, чтобы и вы постарались усвоить все эти учения в их связи, а не брали из них лишь клочки, пытаясь понять и использовать каждый из них в отдельности. Я напоминаю вам о проведенном выше сравнении с телом и отдельными его членами. При таком проникнутом столь большим единством и столь существенной связью частей учения, как философия в том виде, какой придан ей мною, не только последующее необходимым образом предполагает предшествующее, как это бывает во всякой науке, - но здесь присоединяется еще и то, что именно в силу такого органического единства целого излагавшееся ранее получает свое ближайшее и полное объяснение лишь в том, что следует дальше; и только последующее вполне показывает ближайшие отношения и применения предшествующего, так что вы должны не только хорошенько усвоить и заметить все излагаемое в первую очередь, но и остеречься от поспешного суждения о нем, так как лишь в последующем вы найдете надлежащее и необходимое объяснение прежнего. Во всякой науке полное понятие о ней получается лишь после того, как пройден весь курс ее и затем возвращаются к началу. К тем же учениям, которые я буду излагать вам, это приложимо более, чем к чему-либо другому. Положитесь совершенно на мои слова в том, что лишь в конце всего курса моих лекций вы будете в состоянии вполне понять его начало; и если бы в иных местах вам пришлось воспринимать что-либо с усилиями, то помните, что лишь последующее даст к этому дополнение и объяснение. Ибо связь философии в том виде, который придал ей я, не архитектурная, как во всех остальных науках, т.е. не такая, в которой фундамент лишь служит опорой для прочных частей, но сам не опирается на них и в которой каждый камень и опирается, и сам служит опорой, пока дело не дойдет до верхушки, которая лишь опирается, а сама не служит опорой ничему; нет, связь эта - органическая, т.е. такая, в которой каждая часть настолько же поддерживает целое, насколько сама она поддерживается этим целым, ни одна из частей по существу не первая и не последняя, и порядок изложения частей выбран лишь с расчетом на удобство преподавания, - следовательно, до известной степени произвольно; поэтому в моей философии целое в сущности можно понять надлежащим образом лишь после того, как будут усвоены все его части, - но и части

даже для исчерпывающего, вполне законченного понимания их равным образом уже предполагают целое. Это - большое затруднение, которое в данном случае вытекает из сущности дела, и с вашей стороны эту трудность можно превозмочь лишь вниманием, терпением и памятью, а с моей стороны - старанием сделать все возможное более доступным, изложить в самом конце то, что наиболее предполагает все остальное, постоянно вновь указывать на связь всех частей и непрестанно возвращаться к прежнему и делать отступления в сторону.

Этот порядок изложения, избираемый мною потому, что он наиболее удобопонятен, заставляет меня необходимым образом начать с исследования познавательной способности и с теории способности представления и познания. Но это как раз - самая сухая часть всего курса. Напротив, излагаемые мною в самом конце эстетика и этика возбуждают наибольший интерес и наиболее привлекательны. Если бы все дело было только в том, чтобы приковать ваше внимание чем-либо привлекательным и прежде всего завладеть им, то я последовал бы совершенно обратному порядку. Но так как я стремлюсь быть скорее основательным, чем привлекательным, то я хотел бы, чтобы серьезность и сухость первой части наших исследований не утомили и не отпугнули вас и чтобы терпение ваше не истощилось до тех пор, когда мы дойдем до непосредственно интересных вещей.

ВВЕДЕНИЕ, ОБ ИЗУЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ

По-видимому, я не ошибусь, предположив, что не многие из вас уже занимались философией приватным образом и прошли настоящий, методический курс философии. Это обстоятельство было бы для меня благоприятным, если бы я на основании его мог предположить, что встречу с вашей стороны полную непредубежденность в исследованиях этого рода, полное отсутствие предвзятых мнений и что поэтому вы тем восприимчивее отнесетесь к моим лекциям. Но подобное предположение было бы совершенно ложным. Каждый из вас приносит уже с собою совершенно готовую философию - мало того, каждый из вас и сюда пришел, лишь уповая, по крайней мере наполовину, услышать подтверждение своей философии. Это происходит отчасти потому, что каждый человек - прирожденный метафизик: он - единственная метафизическая тварь на земле. Поэтому-то многие философы допускали то, что справедливо в общем и в специальном смысле, и воображали, будто прирождены человеку определенные догматы их философии; тогда как прирождено человеку лишь стремление к метафизическому догматизированию вообще, которое, однако, в юности легко может уклониться в сторону догматов определенных. Всякий человек философствует; всякий дикий народ имеет свою метафизику в мифах, которые должны сделать для него мир более округленным и связанным в одно определенное целое - оттого и понятным. То, что у каждого народа (хотя у одного более, чем у другого) культ невидимых существ играет большую роль в общественной жизни; далее, что к этому культу относятся с большею серьезностью, чем к чему-либо другому; наконец, тот фанатизм, с которым он защищается, - все это показывает, как велика над человеком власть представлений о сверхъестественном и насколько важны они для него. Всюду философствуют даже самые невежественные люди, женщины, дети, и не только по редким поводам, но непрестанно, с крайним рвением и с весьма большим доверием к самим себе. Это вытекает не из того, что человек, как многие полагают, чувствует себя выше природы, что его дух влечет его в высшие сферы, из конечного в бесконечное, что земное его не удовлетворяет и т.п. Такие случаи

редки. Нет, это происходит оттого, что человек, благодаря своей сознательности, даваемой ему разумом, понимает опасность своего положения, и ему тяжело сознавать свое существование ненадежным, всецело обреченным случайности и в своем начале, и в своем конце, притом во всяком случае крайне коротким - между двумя бесконечными периодами времени; ему тяжело, далее, сознавать, что его личность бесконечно мала в безграничном пространстве и среди бесчисленных существ. Тот же разум, который вынуждает его заботиться о завтрашнем дне в пределах его жизни, побуждает его заботиться о грядущем после его жизни. Он хочет постичь вселенную главным образом для того, чтобы познать свое отношение к этой вселенной. Его мотив и здесь, как в большинстве случаев, - эгоистический. Если бы человек с полной достоверностью узнал, что смерть превращает его в полное ничтожество, то в большинстве случаев он оставил бы всякое философствование, сказав: nihil ad me (мне ничего не нужно (лат.)). - *Примеч. сост.*)

Философия, которую, как я утверждаю, каждый из вас приносит с собой, отчасти возникла из этого прирожденного человеку стремления, отчасти же получила пищу также извне, поскольку ею были восприняты чужие готовые учения, переработанные в духе каждой данной индивидуальности. Сюда относится отчасти и религия, преподавание которой все более и более принимает форму философии и стремится опереться более на убеждение, чем на откровение; отчасти же философия настолько переплетена со всеми науками, что пусть тот или другой из вас занимается чем угодно и читает все что угодно - непременно со всем этим будет связано для него множество философских проблем.

Итак, я не могу предположить, что дух ваш - tabula rasa (чистая доска (лат.)). - *Примеч. сост.*) по отношению к предмету моих лекций. И раз дело обстоит таким образом, то для меня было бы наиболее желанным ваше точное знакомство со всеми существующими системами. Напротив, для меня было бы неблагоприятно, если бы вы изучили лишь одну из существующих систем и приспособили к ней свой образ мышления: ибо у того или иного из вас, более способного и склонного удерживать старое, чем воспринимать новый материал, такая система, однажды воспринятая с полным доверием, может превратиться в символ веры или даже в своего рода idées fixes, которые преграждают доступ всему другому, как бы прекрасно оно ни было. Но если бы вы выказали знакомство со всею историей философии, если бы вы имели понятие о всех системах, это было бы мне приятно: тогда вам всего легче было бы понять, почему тот путь, по которому я намерен идти с вами, правилен или, по крайней мере, может быть правильным, так как вы уже знали бы из опыта, что все испытанные ранее пути ведут к цели, и вообще вы ясно поняли бы трудность и даже опасность всякого стремления к философствованию; в противном же случае вы можете самостоятельно напасть на тот или другой из путей, уже проложенных прежними философами различных эпох, и удивляться, почему это на него не напали ранее. Без предварительного знакомства с прежними попытками тот путь, который мы имеем пред собою, может иным показаться странным, очень тягостным и затруднительным и совершенно неестественным: ибо это такой путь, на какой спекулирующий разум попадает не сразу, а лишь после того, как он сознает ложность путей, которые более удобны и напрашиваются сами собою, после того как разум изощрится благодаря опыту и увидит, что необходимо сделать больший разбег, чем тот, который требуется для менее крупных подъемов.

Почему спекулирующий разум лишь постепенно и после многих неудачных попыток мог напасть на верный путь, объясняется следующим.

В истории философии, совершенно так же, как и в истории других наук, наблюдаются и связность, и прогресс, хотя в существовании их в данном случае и можно сомневаться, если обратить внимание на то, что каждый вновь появляющийся философ поступает так же, как каждый новый султан, первым делом обрекающий своих братьев на казнь, - именно, каждый вновь выступающий философ начинает с отрицания или, по крайней мере, с оспаривания своих предшественников, объявляет, что их принципы - совершенное ничто, ничего не значат, и начинает все дело совершенно заново, как будто до него ничего не было: совершенно как на аукционе, где каждая надбавка уничтожает прежнюю цену. Этим пользуются враги всякой философии: они утверждают, что философия - совершенно тщетное стремление к абсолютно недостижимой цели; поэтому одна попытка имеет не более цены, чем всякая другая, и за все истекшие столетия в философии не наблюдается никакого прогресса, ибо до сих пор все еще начинают сначала. В этом смысле восклицает Вольтер: "О метафизика! Мы настолько же ушли в ней вперед, как и во времена друидов!" Таких решительных врагов философии нужно опровергать не на почве философии, которой они не придают значения, а на почве истории, а именно: если бы в философии не было еще до сих пор ничего сделано, если бы в ней не было никакого прогресса и любая философия имела не более цены, чем всякая другая, то не только Платон, Аристотель и Кант были бы дураками, но, кроме того, подобные тщетные мечтания никогда не могли бы способствовать процветанию прочих наук; между тем мы непрерывно видим, что состояние всех прочих наук в известную эпоху, даже самый дух времени, а через то и история данной эпохи, находятся в тесной связи с современною философией. Какова философия времени, таково в каждом данном случае и движение во всех остальных науках, в искусствах и в жизни: философия в развитии человеческого званья, а следовательно, и в истории этого развития подобна генерал-басу в музыке: генерал-бас всегда определяет тональность, характер и развитие целого; и как в музыке каждый отдельный музыкальный период или пассаж должен согласовываться и гармонизировать с тою тональностью, к которой привел его именно генерал-бас, так и всякое человеческое знание известной эпохи сплошь носит отпечаток господствующей в ту эпоху философии, и в каждом писателе, о чем бы он ни писал, всегда можно заметить следы влияния философии его времени. Всякая великая реформа в философии отражается на всех науках, дает им иной характер. Доказательство этому представляет сплошь вся история литературы. Поэтому всякому ученому столь же необходимо знакомство с историей философии, как музыканту изучение генерал-баса. Ибо философия - генерал-бас наук. При рассмотрении истории философии в ее целом замечаешь в ней связность и прогресс, подобные тому, которые наблюдаются в ходе наших собственных мыслей, когда при каком-нибудь исследовании мы бросаемся от одного предположения к другому и через то все более и более освещаем предмет, и он становится для нас все яснее, и наконец мы составляем себе определенное суждение о сущности дела или, по крайней мере, о том, как далеко можем мы идти в своем познании ее. Точно так же и в истории философии мы видим, что человечество постепенно становится более сознательным, более ясным для самого себя, поучается из заблуждений, в тщетных порываниях упражняет и укрепляет свои силы. Всякий учится у своих предшественников, даже если он разрывает с ними связь, - учится, по крайней мере, в отрицательном смысле, но часто также и в положительном, удерживая усвоенное от них и развивая далее, причем часто прежнее учение принимает совершенно иной вид. Таким образом, в истории философии во всяком случае можно признать известную необходимость, т.е. закономерное, прогрессивное развитие, - по крайней мере, с равным или даже с большим правом, чем во всемирной истории, несмотря

на то что в обоих случаях индивидуальность деятелей резко влияет, как случайный элемент, и заметно видоизменяет ход развития философии и мировых событий. Эпохи застоя и реакции бывают как во всемирной истории, так и в истории философии: средние века, погруженные в варварство, представляют печальную картину как в общей истории, так и в истории философии. Но реакция порождает как бы обновленные отдыхом силы. Исходя из замеченной определенной связи между духом времени известной эпохи и ее философией легко было также прийти к мнению, что дух времени определяет философию; но дело обстоит как раз наоборот: философия определяет дух времени, а через то и события эпохи. Если бы философия средних веков была иною, не было бы ни Григория VII, ни крестовых походов. Ход же мировых событий влияет на философию отрицательно, не давая способным людям возможности развиваться и высказываться. Положительно влияют на философию только выдающиеся умы, имеющие силу вести человечество вперед и лишь в виде редких исключений выходящие из рук природы; а на выдающихся людей влияют их предшественники, в наибольшей мере - ближайšie, а затем и более отдаленные, от которых зависели первые; таким образом, на философа влияет, в сущности, лишь история философии, а не всемирная история; последняя же влияет на него лишь в той мере, поскольку она воздействует вообще на человека, давая ему возможность созидать свою индивидуальность, развивать ее и извлекать из нее пользу не только для себя лично, но и для других. Далее, если мы, согласно сказанному выше, допускаем известное необходимое развитие и прогрессивное движение в истории философии, то и ошибки и заблуждения философии мы равным образом должны признать в известном смысле необходимыми, смотреть на них как на юношеские заблуждения в жизни отдельной выдающейся личности, ибо и в этом случае мы должны не мешать человеку, а предоставить ему пережить их, чтобы из самой жизни почерпнул он опыт и самосознание, которые недостижимы ни на каком ином пути и для которых не существует никакого суррогата. Ибо никогда не будет написана такая книга, которая могла бы заменить опыт: благодаря опыту научаешься познавать не только других людей и мир, но и самого себя, свои ошибки и заблуждения именно как заблуждения и вырабатываешь те правильные воззрения, к которым человек приходит самостоятельно и к которым природа склоняет его предпочтительно пред другими. Или можно смотреть на неизбежные заблуждения как на оспу или тому подобные болезни, которые необходимо перенести, чтобы вышел из тела яд, присущий ему от природы. Поэтому мы не вправе думать, будто история могла бы начаться одинаково и с Канта, и с Фалеса и т.д. Но если в истории философии существует такая более или менее точно определенная необходимость, то для полного понимания Канта необходимо знакомство также и с его предшественниками, прежде всего с ближайшими - Христианом Вольфом, Юмом, Локком, а затем и с более отдаленными, вплоть до Фалеса.

Из этого рассуждения следует, что для меня было бы в высшей степени благоприятно, если бы каждый из вас пришел уже с знанием истории философии, в особенности с основательным знанием моего ближайшего предшественника, того, кого я считаю своим учителем, - Канта. Ибо все бывшее после Канта в моих глазах лишено всякой важности и значения - по крайней мере, для меня, - следовательно, не имело на меня и влияния. Но как ни настойчиво рекомендую я вам изучение истории философии, однако я не желаю, чтобы, как это часто случается, история философии стала для вас самою философией. Ибо это было бы равносильно желанию не мыслить и не исследовать, а лишь знать, что мыслили другие, чтобы сложить эти мертвые сведения в одну кучу вместе с другими мертвыми сведениями. Между тем это часто бывает. Кто от природы склонен к мышлению, тот не может не

дивиться, наблюдая, как большинство людей занимается и читает; это - прямо особая проблема. Именно, большинству при этом и в голову не приходит желание узнать, что истинно; они хотят лишь знать, что было сказано. Они дают себе труд читать и слушать, вовсе не ставя себе той цели, ради которой единственно и можно так много трудиться, - цели познания, понимания; они не ищут истины и нисколько не интересуются ею. Они лишь стремятся знать все, что было сказано в мире, единственно затем, чтобы иметь возможность тоже говорить об этом, не осрамиться в разговоре или на экзамене, или же чтобы уметь напустить на себя важный вид. К другим целям они не чувствительны. Поэтому, когда они читают или слушают, их способность суждения совершенно бездействует и работает лишь память. Они не взвешивают аргументов, а просто заучивают их. Таково, к сожалению, большинство людей: поэтому-то история философии всегда привлекает более слушателей, чем философия. Немногие люди склонны к мышлению, хотя все любят поспорить. Мало кто постигает загадочность бытия во всей ее серьезности; напротив, к голому знанию, к усвоению сообщаемого материала, склонны многие, отчасти от скуки, отчасти из тщеславия, отчасти же, чтобы ради куска хлеба учить других тому, что заучено самими, и сообщенное другими сообщать своим слушателям, - и так из поколения в поколение, причем те люди, чрез руки которых проходит сообщаемый материал, сами не делают из него никакого употребления. Они подобны при этом почтальонам, которые получают письма и препровождают их далее, не вскрывая. Это лишь образованные и ученые люди, при всем своем образовании и учености часто сохраняющие в глубине души те же поверхностные и недалекие воззрения на вселенную и сущность жизни, которые были у них и на 15-м году их жизни, или же воззрения простонародья, в чем легко убедиться, когда обращаешься к ним с серьезными вопросами и от слов переходишь к делу. Это чистые ученые, передатчики переданного им самим полезны, однако, тем, что благодаря им приобретенные уже познания сохраняются и могут дойти до самостоятельно мыслящего человека, который всегда - лишь исключение, существо необычайной породы. Благодаря таким передатчикам у него образуется связь с себе подобными людьми, которые жили в одиночку, разбросанные на протяжении столетий, и, таким образом, с помощью образования он может развить собственные силы, сделать их более жизненными: подобно тому как почтальоны связывают нас с находящимися далеко от нас родными. Было бы очень прискорбно для меня, если бы среди моих слушателей оказалось много таких, способности которых ограничены простою восприимчивостью, позволяющей только удерживать усвоенное и предавать его дальше. Но этого я изменить не могу. Я не в силах пересоздать никого; на каждого я могу воздействовать лишь по мере его способностей, раз и навсегда данных ему от природы. Даже самое слово способности не вполне подходит к философии. Оно означает какое-нибудь учение, мастерство; слово это уместно, когда дело идет о том, чтобы образовать художника, ремесленника, или же врача, или адвоката; они должны научиться умению делать то, что от них требуется. В философии же нужно лишь дать человеку более правильное и ясное представление о его собственном существовании и бытии окружающего его мира. Следовательно, речь здесь идет не столько о способности к учению, сколько о степени отчетливости сознания, с которою каждый постигает свое собственное существование и бытие окружающего мира. Эта степень отчетливости и служит основой восприимчивости к философии. Чем яснее и светлее в человеке сознание, созерцание мира, тем неотступнее преследует его загадочность бытия, тем сильнее будет он чувствовать потребность подвести итоги, сделать какой-либо конечный вывод о жизни и бытии вообще; тем менее человек будет доволен просто тем, что он живет и постоянно лишь предотвращает нужду, ежедневно сказывающуюся в этой жизни, до тех пор пока за многими обманутыми надеждами и перенесенными страданиями не пройдет сама

жизнь, не дав ему даже досуга когда-либо серьезно подумать над нею. Но именно так и бывает с теми людьми, сознание которых более слабо, смутно и ближе стоит к животной тупости. Подобно тому как животное живет себе, не видя ничего далее своих потребностей, и не удивляется тому, что мир существует, и существует именно так, как он существует, - так и неодаренные люди не удивляются заметным образом миру. Они всё находят совершенно естественным; разве лишь поразит их иногда какое-нибудь необычайное явление и пробудит в них желание узнать его причину; но загадочности, сокрытой в основе всех явлений, и загадочности их собственного существования они не чувствуют. Поэтому они склонны высмеивать тех, кто удивляется миру, размышляет над ним и предаётся подобного рода исследованиям. Они думают, что у них есть гораздо более серьезные занятия - заботы о себе и своих близких и разве лишь более близкое знакомство со связью явлений между собою, в целях их использования. Но эту жизненную мудрость свою они разделяют с животными, которые тоже живут себе, пекутся о себе и о своем потомстве, не заботясь о сущности мира и его значении. Ясность сознания, на которой основываются потребность в философии и дарование к ней, сказывается поэтому прежде всего в изумлении, вызываемом в человеке миром и нашим собственным существованием, - в изумлении, которое тревожит дух и делает для него невозможную жизнь без размышления над нею. Уже Платон видел в этом изумлении источник философии... - Можно сказать даже: философски одаренный человек изумляется всему обыденному и привычному и в силу этого делает свою проблемой общую основу явлений; напротив, исследователи в области специальных дисциплин удивляются лишь редким и необыкновенным явлениям, лишь их делают своей проблемой, и решение этой проблемы с помощью известной комбинации получается благодаря тому, что они сводят такие явления к более общим явлениям или же более известным фактам.

Чтобы решить, насколько одарен философски тот или другой человек, я должен был бы знать, как представляет он себе прошлое, настоящее и будущее - как совершенно различные вещи или же одно почти как другое; погружается ли его сознание настолько глубоко в этот поток времени, что само движется вместе с ним, или же он видит поток времени бегущим мимо себя и с изумлением наблюдает его, как нечто чуждое. Для того чтобы уловить эту загадочность и непостижимость времени - что особенно побуждает к философии, - необходима живая фантазия, по особой причине: именно лишь одаренный ею человек может воспроизвести сцену из своей жизни, бывшую 10 лет назад, с такой живостью, как будто она происходит действительно в настоящий момент; это и возбуждает изумление перед формой нашего существования, временем, благодаря которому отдаленное прошлое, некогда столь реальное, стало ничем, как все прошлое, - и эта участь постигнет неизбежно и каждый данный момент, в котором мы сейчас находимся.

Если же эта ясность сознания и вытекающее отсюда изумление отсутствуют, то нет и философского дарования; излагать философию такому человеку - все равно что предлагать кушанья сытому. Тот, кому предлагают решение загадки, должен прежде всего иметь саму загадку: иначе решение будет для него пустым словом. Загадку же эту создает впечатление, производимое созерцаемым миром, благодаря той ясности, с которою он отражается в сознании. Все абстрактное, выражаемое словами, получает свое значение лишь в силу своего отношения к созерцаемому. Поэтому, если нет этой ясности сознания, всякое философствование будет совершенно тщетным и породит разве лишь болтуна, а не философа. Впрочем, и такие люди, которые в силу смутности своего сознания лишены и потребности в философии, и философского дарования, не свободны все-таки от той или иной

философии, от системы религиозного или иного характера: ибо они все-таки люди и, следовательно, нуждаются в метафизике; но они хватаются за первую попавшуюся систему и по большей части очень упорно ее придерживаются, так как если бы они расстались с нею, то это поставило бы их в необходимость мыслить, исследовать, учиться - а этого они боятся пуще всего и потому весьма рады иметь раз навсегда что-нибудь такое, что освобождает их от всякой подобной работы.

Я говорил о прогрессивном движении философии, которое ясно нам из ее истории. Но так как философия, хотя она и предполагает опыт вообще, не нуждается, подобно, например, физике и астрономии, в опыте специальном, то нельзя все-таки, несмотря на строгую необходимость в процессе ее развития, отрицать, что этот процесс мог бы, в силу особой благосклонности судьбы, - именно благодаря выступлению выдающихся умов и скоплению их в одно и то же время, - этот процесс мог бы совершиться и несравненно быстрее и что даже истина, если только ее вообще можно найти, могла бы быть постигнута уже в самом начале. Последнее, пожалуй, в известном смысле действительно так и было, но только в стране, культура которой совершенно отлична от европейской, - в Индии. И конечные выводы того учения, которое я намерен изложить вам, согласуются с древнейшими из всех мирозозерцаний, именно - с мировоззрением Вед. Однако это не следует понимать таким образом, что все мое учение уже есть и в Ведах. В Ведах, или, точнее, в упанишадах, т.е. в догматической части в противоположность богослужебной, нет ни научной формы, ни сколько-нибудь систематического изложения - нет никакого движения, развития, настоящего единства. Там не высказано никакой основной мысли; упанишады дают лишь отдельные, весьма темные изречения, аллегорические представления, мифы и т.п. В них не заметно умения выразить исходную точку, из которой все вытекало бы, - умения обосновать изречения доказательствами, даже расположить их в каком-либо порядке; упанишады дают лишь как бы изречения оракула, полные глубокой мудрости, но туманные, совершенно разрозненные и образные. Но вот если познакомиться с учением, которое я хочу изложить, то затем все эти древние индийские изречения можно будет вывести из него как следствия и познать их истинность; таким образом, нужно допустить, что уже эти древнейшие на земле мудрецы постигли и выразили по-своему познанную мною истину, хотя она и не предстала пред ними явственно в своем единстве, - так что они могли выразить свое познание лишь в таких отрывочных изречениях, которые подсказало им в наиболее светлые моменты их сознание, - а не в связном целом. Следовательно, познание такого рода было возможно уже с самого начала, прежде чем разум, благодаря длинному ряду философов, приобрел опытность, самопознание и изошрился; но в такой отрывочной форме выраженное познание совершенно безоружно против скептических нападок всякого рода и против соперничества других учений. Дело обстоит здесь совершенно так же, как в астрономии: уже в самой глубокой древности пифагорейцы учили, что Солнце стоит, а Земля вместе с другими планетами движется вокруг него (по-видимому, некто Гикет впервые утверждал это); это было выражением непосредственного познания, чутко угаданной истины; но доказать ее, систематизировать, провести ее в частностях, применить, обработать математически - этого пифагорейцы не могли. Поэтому они остались непризнанными, не оказали влияния, не могли поставить свою истину выше господствующего заблуждения, как оно выразилось в Птолемеевой системе, которая возникла и сделалась общепризнанной, потому что не встретила противодействия со стороны правильного учения пифагорейцев. Лишь после всех опытов и научений двух тысячелетий Коперник, Кеплер, Галилей могли прочно обосновать эту истину и защитить ее против всяких нападок, так как они пришли к ней научным путем и

видели всю внутреннюю связь дела.

Вот и то учение, которое я имею изложить, несмотря на точное совпадение его с изречениями древнейшей индийской мудрости, все-таки находится в связи со всем развитием западной философии и входит в его историю, в известной мере является его результатом.

Поэтому история философии - лучшее введение к тому, что я намерен изложить. Без нее уже самое начало наших рассуждений, именно рассмотрение субъекта, нашего "я", нашей познавательной способности, как отправная точка, иному покажется странным и противоречащим его наклонностям. Ибо дух отдельного человека склонен идти в своем развитии тем же путем, каким шло развитие всего человеческого рода. Этот путь начинается с размышления о внешнем мире и заканчивается размышлением о самом себе. Начинают с выражения определенных мнений об объекте, о вещах мира, каковы они сами в себе и какими должны быть: такой способ мышления называется догматизмом. Затем появляются люди отрицающие, сомневающиеся в том, что дело обстоит так, как говорят, отрицающие, что можно что-либо знать о вещах в себе: это - скептицизм. Поздно явился, именно с Кантом, критицизм, который выслушивает обе стороны, как судья, служит им посредником, взвешивает их права, исследуя не вещи, а общую способность познания, и, сообразно с этим, решает, насколько можно знать что-либо о вещах, как они существуют сами по себе, и какие границы поставляет здесь познание как таковое, его существенная для него форма.

В западной философии (которую мы должны совершенно отделять от восточной индийской, с самого почти начала отличающейся несравненно более смелым полетом мысли) мы встречаемся как раз с этим естественным ходом развития. Сначала человек замечал всё, кроме самого себя, - он просматривал себя; все его внимание было приковано к вещам вне его; на себя он смотрел лишь как на незначительное звено в цепи внешних вещей, а не как на главное условие существования внешнего мира, каковым он является на самом деле. Поэтому ионийские философы, с которых начинается история западной философии, старались объяснить не природу вообще в ее бытии, а определенную данную природу в ее свойствах. Вот почему они и отыскивали такую перво материю, из которой состояли бы все вещи и из изменений которой возникало бы всё. Таким образом, зачатки философии были, в сущности, естествознанием. Фалес, родоначальник всей западной философии, принимает за первичную материю воду, из которой все развивается. Следовательно, эти философы не спрашивали, как вообще возможна та или другая природа - этот вопрос, в сущности предшествующий всем другим, предложил лишь Кант через две тысячи с половиной лет; они же спрашивали лишь, каким образом возникла данная природа, обладающая такими-то качествами. Лишь через две с половиной тысячи лет Кант стал искать объяснения тому, что первые философы считали не нуждающимся в объяснении, понятным само собою.

О его ученике Анаксимандре мы знаем еще меньше; первоосновою вещей он считает апейрон, infinitum, беспредельное, под которым он понимает, по-видимому, материю как таковую, лишенную какой-либо формы и качества. Анаксимен полагает первоосновой воздух, что, пожалуй, вполне правильно, так как новейшая астрономия считает возможным, что каждое мировое тело первоначально пребывало в газообразном агрегатном состоянии, в виде звездной туманности, затем перешло в жидкое и, наконец, в твердое состояние. Однако ионийские философы не считали

материю, из которой они исходили, мертвую (как позднее Демокрит), а полагали, что в ней живут силы, из проявлений которых единственно и состоит ее деятельность; они признавали эти силы отличными от материи, чем-то духовным, и поэтому говорили о мировой душе. Это воззрение в особенности было выражено Анаксагором, преемником Анакси-мена, занесшим ионийскую философию в Афины. Пребывающая в мире душа, дух, действующий во всем, нус, является, по Анаксагору, первоначалом вещей, творческим принципом, - поэтому в Анаксагоре можно также видеть первого теиста. Слово нус могло показаться насмешкою, так как оно вводило в философию, бывшую в те времена физикой, совершенно гипотетический, недоказуемый принцип. Но в лице его ученика Архелая философия, как мы видим, неожиданно оставляет путь естествоиспытания, что было обусловлено исключительно индивидуальностью Сократа, имевшего одностороннюю склонность к исследованиям в области этики, которая сама по себе, конечно, интереснее и более заслуживает исследования, чем слепо действующие силы природы. Но философия - нечто цельное, как и вселенная, и поэтому как, с одной стороны, нельзя вполне понять и исследовать объект, перескочив через субъект, как это делали ионийцы, так, с другой стороны, нельзя вполне понять и субъект, волю и познание человека, руководящее волею, если оставить без внимания объект, вселенную и ее внутреннюю сущность.

Хотя о жизни Сократа мы знаем довольно много, однако о его воззрениях и учении нам известно крайне мало.

Величие его жизненного поприща, выдающиеся философы, вышедшие из его школы, которые, несмотря на всю крайность своих учений, все признавали, однако, его своим учителем, - все это заставляет нас предполагать, что учение его было замечательно, хотя мы его, в сущности, и не знаем. Ксенофонт рисует нам Сократа таким плоским, каким он не мог быть на самом деле - иначе он не дал бы Аристофану материала для "Облаков"; Платон изображает его слишком фантастически и вообще пользуется им лишь как маскою, под которую проповедует собственное учение. Одно, по-видимому, вполне достоверно, именно - что философия Сократа была чистою этикой.

Одновременно с Фалесом учил и несравненно, по всей вероятности, более значительный человек - Пифагор. Историю западной философии можно было бы с одинаковым правом начинать как с Пифагора, так и с Фалеса: хотя недостоверные показания говорят, что Пифагор в своих странствованиях посетил и Фалеса и учился у него, однако это влияние Фалеса могло подействовать на его образование лишь в незначительной степени, так как Пифагор объездил весь Восток, чтобы везде научиться, и, следовательно, многие учителя могли бы оспаривать у Фалеса этого ученика; сверх того, всё, чем Пифагор был обязан Фалесу, могло относиться скорее к астрономии, чем к философии. Сам он стоит на несравненно более высокой точке зрения, чем Фалес; он не физик и астроном, мыслящий почти исключительно гипотетически, а философ в полном и великом значении этого слова, обязанного, как известно, ему своим происхождением. Его философия была, в сущности, метафизикой, связанной с этикой, но его знания охватывают при этом и довольно полную математику и все сведения по естествознанию, какие только можно было заботливо собрать в те времена со всех концов земли. Пифагор, по-видимому, сочетал в себе разносторонность и любознательность Аристотеля с глубиной Платона. Как Пифагор, основавший, как известно, свою школу и, в известном смысле свое государство в Великой Греции, был отделен от Фалеса большим расстоянием, так и философия Пифагора, как и философия Фалеса, имевшая сверх того перед

своим появлением теогонии философов-поэтов, одинаково была началом философии.

Всегда будет вызывать сожаление тот факт, что два таких великих человека, как Пифагор и Сократ, никогда ничего не писали. Трудно даже понять, каким образом столь выдающиеся в умственном отношении люди могли довольствоваться воздействием на современников, не стремясь к влиянию на потомство, - или же считать, что дальнейшее распространение их учения в достаточной мере обеспечивается [школами], учениками, которых они создали устным преподаванием. О Пифагоре не только почти вполне достоверно известно, что он ничего не писал, но известно также, что его эзотерическое учение держалось в тайне, под клятвою посвященных. Открыто он обращался к народу с популярными лекциями морального содержания. Настоящие же ученики должны были в течение пяти лет проходить через разнообразные испытания; лишь немногие выдерживали этот искус так, что получали доступ к истинному, обнаженному от иносказаний учению Пифагора (*intra velum*); остальные же воспринимали это учение лишь в символическом одеянии. - Пифагор хорошо понимал, что большинство людей не способны постичь ту истину, которая открылась глубочайшим мыслителям человеческого рода, и что они поэтому ложно понимают такие учения, или извращают их, или же ненавидят и преследуют - именно потому, что не понимают их и видят в них опасность для своего суеверия. Поэтому с помощью разнообразнейших испытаний, первым из которых было физиономическое, он хотел отобрать наиболее способных из тех, кто приходил к нему, и лишь им сообщить лучшее из того, что он знал; эти избранные должны были после его смерти так же, как он, передавать его учение дальше избранным тем же путем, и, таким образом, учение его должно было вечно жить в душе благороднейших людей. Результат показывает, что расчеты его не оправдались: учение погибло вместе с ближайшими его учениками, немногие из которых под конец, когда секта уже совершенно рассеялась и подверглась преследованиям, должны были записать хоть кое-что, чтобы сохранить остатки этой мудрости. Некоторые из таких отрывков дошли и до нас, в особенности через неоплатоников Ямблиха, Порфирия, Плотина, Прокла, а также через Плутарха, Аристотеля, Стобея; но все это в высшей степени бессвязно и сомнительной подлинности. Лучше было бы, если бы Пифагор поступил подобно Гераклиту, который положил свою книгу в храм Дианы в Эфесе, где она должна была в течение столетий дожидаться достойного читателя.

Но если я и сказал выше, что начало западной философии можно считать как от Фалеса, так и от Пифагора, то против этого можно привести в особенности то соображение, что вообще еще спорный вопрос - не является ли учение Пифагора совершенно чуждым Западу растением, не принадлежит ли оно, в сущности, к восточной философии. Ибо Пифагор в своих странствованиях, которые продолжались, по-видимому, свыше 30 лет, бывал не только в Египте, но и в Вавилоне и, как мне кажется вероятным, доходил даже до Индостана, и оттуда, по-видимому, всецело заимствованы основы его учения. Из фрагментов почти неопровержимо явствует, что учение Пифагора по существу тождественно с возникшим в Индостане и господствующим там еще и теперь учением (По новейшим исследованиям англичан в Калькутте, можно утверждать вполне решительно, что древняя египетская религия в незапамятные времена была заимствована из Индостана и господствовавшие в Египте жрецы прибыли оттуда же; поэтому нет безусловной необходимости в том, чтобы Пифагор лично доходил до Индостана). Ибо мы встречаемся в учении Пифагора с совершенно чуждым до тех пор в Европе догматом метемпсихозы и, на основании его, с заповедью воздержания от мясной

пищи. Однако догмат метемпсихозы, по-видимому, принадлежал даже к экзотерическим, и лишь эзотерические ученики посвящались в скрытый под ним смысл. Совершенно то же наблюдается и в Индии: народная религия твердо верит в метемпсихозу; Веды же учат вместо этого *Tatoumes*, с существенным содержанием которого вы познакомитесь далее в моей философии.

Чему учил Пифагор символически, с помощью чисел, как приводил он в связь с этим учением музыку, которая впервые получила у него арифметическое обоснование, - все это совершенно покрыто мраком. Вообще, рассмотрение дошедшего до нас мнимого учения Пифагора не входит в этот исключительно общий исторический обзор. В моральных предписаниях Пифагора мы видим руководство к тому, чтобы возвысить дух надо всем земным и преобразовать жизнь, сделать ее как бы путем просветления и созерцания - как в индийском учении, но не с таким суровым аскетизмом.

О его метафизике, по-видимому, можно с достоверностью сказать лишь то, что и его учение, как вообще учения всех древних философов, можно причислить к тому, что называется пантеизмом, - т.е. он допускал мировую душу, принцип, проявляющийся во всех существах мира, который он, по-видимому, называл деос; однако в главном месте, сохраненном для нас на дорическом диалекте Юстином Мучеником, Пифагор прямо предостерегает против того, чтобы этого деос понимали как находящегося вне мира: скорее под этим следует разуметь внутренний жизненный принцип мира.

Впоследствии из пифагорейской школы вышел Эмпедокл, из Агригента в Сицилии. Пифагорейское происхождение его философии сказывается в учении о переселении душ и о тождестве сущности, живущей во всех вещах, равно как и в запрещении мясной пищи. Эмпедокл так же явно учил известной эмоциональной системе, греховному падению из лучшего бытия в земное, из которого душа после перенесенного наказания и очищения вновь возвращается к лучшему бытию.

Мы видим, что Эмпедокл философствует уже не исключительно объективным путем, как прежние философы, а вступает и на субъективный путь исследований о происхождении познания, различает чувственное и разумное познание и спрашивает, которому более доверять. Затем дает ответ - разумному, а не чувственному. Вступил ли он на этот путь первый или же по стопам Анаксагора, который жил почти одновременно и противопоставил феномен ноумену, - этого с достоверностью сказать невозможно. Во всяком случае, такое различие побудило его допустить в человеке чувственную и разумную душу (*anima sensitiva et rationalis*), разумную - как часть вечной мировой души, а чувственную - как часть материи; таким образом, он ввел дуализм духа и материи. Эти две души и дуализм мы находим еще у Декарта, у которого разумная душа, состоящая исключительно из отвлеченных мыслей и сознательных заключений, называется духом и бессмертна, между тем как созерцающая и ощущающая сущность называется материей, машиной, - и к машинам он причисляет и животных. По-видимому, это различение двух душ и дуализм духа и материи никогда не теряли вполне кредита с Эмпедокла до Картезия; впервые при Канте доверие к нему было подорвано. Природу Эмпедокл конструирует с помощью Любви и Ненависти, т.е. сил ищущей и избегающей, притягательной и отталкивающей.

Элеатская школа, основанная Ксенофаном, также возникла из пифагорейской; однако она носит уже совершенно своеобразный характер, обращает большое

внимание на субъективную сторону, тонко разбирает права разума и чувственных восприятий как источников истинного познания и всецело стоит на стороне разума; поэтому она исходит из понятий и приходит к совершенно противоречащим опыту выводам - например, к невозможности движения; она остается, значит, верною абстрактному познанию, ноумену, в противоположность чувственно познаваемому, феномену. В последнее время вновь обратили большое внимание на элеатов, потому что у них есть сходство со спинозизмом, который тоже лишь в наши дни вошел в почет. Во всяком случае, элеатские философы Ксенофан, Парменид, Зенон, Мелисс были весьма глубокими мыслителями, как доказывают немногие сохранившиеся фрагменты: Brandis comment. Eleaticae.

Однако мне нельзя продолжать изложение мнений древних философов - иначе мне пришлось бы учить историю философии вместо философии, ибо дальше я должен был бы излагать обстоятельно, так, как сочинения последующих философов дошли до нас. Элеаты повлияли опять-таки и на Сократа, в котором, таким образом, соединились обе ветви древней философии, ионийская и италийская, и совместно породили этого удивительного мыслителя, из которого впоследствии вышли самые разнообразные школы, Платон со всею Академией, через его посредство - Аристотель, непосредственно же еще Аристипп гедоник, Евклид мегареец (основавший эристическую школу), Антисфен циник и Зенон стоик.

Если у вас когда-либо найдется досуг познакомиться с дошедшими до нас фрагментами этих древнейших мыслителей, то это будет прекрасным занятием, в высшей степени полезным для истинного образования духа, ибо в системах древней философии встречаешь до известной степени чисто естественный ход развития человеческого мышления, односторонние направления, которые необходимо было когда-нибудь провести последовательно, чтобы посмотреть, что из этого выйдет; таковы направления гедоническое, стоическое, циническое и позднее скептическое. На теоретическом же пути выступили друг против друга два выдающихся человека, в которых следует видеть представителей двух великих и решительно противоположных друг другу направлений в умозрении: Платон и Аристотель. Лишь из последующих моих лекций вам станет ясно, что делает эту противоположность столь резкой: именно, Аристотель руководствуется в познании исключительно законом основания; напротив, Платон оставляет его ради совершенно противоположного познания - познания идеи. Это станет для вас более ясным, если я скажу: Платон следовал более тому способу познания, из которого возникают произведения изящных искусств;

Аристотель, напротив, был истинным отцом наук, он установил их, отмежевал их область и указал каждой науке ее путь. В большинстве наук, особенно во всех тех, которые нуждаются в опыте, ушли с тех пор несравненно дальше; логику же Аристотель довел до такого совершенства, что с тех пор в ней не было сделано существенных улучшений. Аристотель отличается остротою, определенностью, осторожностью исследования и, насколько возможно, не удаляется из сферы опыта. Напротив, Платон, в сущности гораздо глубже проникший в природу вещей, как раз для самой сути своего учения мог найти лишь иносказательное, мифологическое, а не научное выражение своих мыслей. И именно это изложение, по-видимому, оказалось недоступным для Аристотеля: при всей остроте его ума ему недоставало глубины; досадно видеть, как он нападает с тривиальными доводами на главный догмат своего великого учителя - учение об идеях - и этим как раз доказывает, что не мог постичь его смысла. Как раз это учение Платона об идеях оставалось во все времена и останется до наших дней предметом размышления, исследования,

сомнения, благоговения, насмешки для столь многих и столь различно мыслящих умов на протяжении столетий: доказательство тому, что в нем глубина содержания сочетается с большой темнотой. Учение об идеях - центр всей платоновской философии. Мы основательно исследуем его в надлежащем месте, в дальнейшем ходе наших рассуждений, и тогда я покажу, что истинный смысл этого учения вполне согласуется с основным учением Канта, учением об идеальности пространства и времени; однако при всем тождестве содержания этих великих основных учений, принадлежащих двум едва ли не величайшим философам из всех когда-либо бывших, весь ход их мышления, изложение, индивидуальный склад ума настолько в корне различны, что до меня никто не постиг тождества внутреннего смысла обоих учений. Скорее искали точек соприкосновения и единства между Платоном и Кантом совершенно другими путями, цеплялись за слова, вместо того чтобы вникнуть в смысл и дух учений. Между тем уловить это тождество - в высшей степени важно потому именно, что оба философа совершенно различными путями приходят к той же цели, совершенно различным образом постигают и излагают ту же истину и философия одного из них служит наилучшим комментарием к философии другого. Столь резко и решительно выраженный контраст между Платоном и Аристотелем выступает и позднее, в темные средние века, в виде своеобразного спора между реалистами и номиналистами.

В своих диалогах Платон, высказываясь от лица Сократа, выдерживает метод учителя в том, что не хочет приходить непосредственно к какому-либо решительному результату: нет, вывернув проблемы на все лады и рассмотрев их со всех сторон, приведя все данные для возможного их решения, он предоставляет затем последнее самому читателю, согласно с его собственным образом мыслей. О Платоне можно сказать то, что, исходя из примера Канта, ошибочно перенесли на всех философов, - именно, у Платона можно научиться не столько философии, сколько философствованию. Он - истинная школа философа; на изучении его лучше всего развиваются философские способности, если они имеются. Поэтому всякий бывший и будущий философ должен быть бесконечно благодарен Платону: его творения - истинная школа мышления, они затрагивают каждую струну философского духа и не приводят их опять в покойное состояние навязанными догмами, а предоставляют им деятельную свободу. Поэтому если кто-либо из вас чувствует в себе склонность к философии, пусть прилежно читает Платона; вы не найдете у него готовой мудрости, чтобы отнести ее про запас домой, - зато научитесь у него мыслить и в то же время вести спор, научитесь диалектике; вы будете замечать следы влияния внимательного изучения Платона на всем вашем духовном складе.

Разбор остальных школ, ведущих свое начало от Сократа (академиков, перипатетиков, мегарейцев, гедоников, циников, стоиков, скептиков и т.д.), завел бы нас слишком далеко. Этику стоиков мы рассмотрим в соответствующем месте наших дальнейших рассуждений. Среди этих, вышедших из Сократа философов не встречается больше самостоятельных, оригинальных мыслителей; все последующие поколения в продолжение двух тысяч лет должны были питаться вышедшими из его школы учениями, воззрениями, методами, заблудившись - возвращаться на тот же путь, в Риме переворачивать на все лады усвоенное от этих греков, принимать их учения и оспаривать их, так что все великие мужи римского государства причисляли себя к перипатетикам, стоикам, академикам, эпикурейцам; затем учение Платона породило в Александрии, в виде неоплатонизма, удивительную смесь религиозных догматов и платоновских учений, позднее Платон дал пищу отцам церкви; после них наступила долгая ночь средневековья, в которой

светил лишь слабый отблеск Аристотелева света, другие же философы были известны лишь по именам и считались как бы мифическими героями глубокой древности. Когда, наконец, в XIV и XV столетиях наступило возрождение наук, опять-таки ученики Сократа вывели человечество Запада из глубокого варварства и жалких предрассудков. И вот, в XV и XVI столетиях вновь появляются платоники, перипатетики, стоики, эпикурейцы, даже пифагорейцы, элеаты и ионийские философы! Так невероятно велико, обширно и могущественно влияние отдельных умов на все человечество, и столь редко встречаются действительно самородные мыслители, и столь исключительны обстоятельства, позволяющие им созреть, сложиться и действовать.

С выступлением на сцену христианства как мировая история, так и философия должны были принять совершенно иной вид, последняя, конечно, - очень печальный, ибо непоколебимый, санкционированный государством и с правительством каждого государства тесно связанный догмат занял как раз то поле, где должна бы происходить деятельность одной философии. Всякое свободное исследование неизбежно должно было совершенно прекратиться. Отцы церкви пользовались из философии древних лишь тем, что нужно было для их учения и подходило к нему; остальное они осуждали и от слепого язычества отвращались.

Во времена типичного средневековья, когда церковь достигла высшего пункта и духовенство господствовало над миром, философия, сообразно с этим, должна была глубоко упасть, в известном смысле даже именно как свободное исследование, - погибнуть, а вместо нее должна была появиться под именем философии ее карикатура, призрак, форма без сущности - схоластика. Последняя не задавалась целью быть чем-либо иным, кроме служанки богословия, *profitetur philosophia se theologiae ancillari*, а именно - объяснить, растолковать, доказывать и т.д. его догматы. Церковная вера господствовала не только во внешнем мире и с помощью физической силы, так что малейшее отклонение от нее считалось уже преступлением, наказуемым смертью, но и благодаря тому, что около нее вращались все дела и помышления, она настолько завладела умами, впитывавшими ее с первых проблесков сознания, что совершенно искажала с этой стороны способность мышления и всякий человек, даже самый ученый, считал сверхъестественные вещи, которым учила вера, по крайней мере, столь же реальными, как и видимый им внешний мир, и действительно никогда не доходил до того, чтобы подметить, что мир - неразрешенная загадка: рано навязанные догматы становились для него непреложною истиною, сомневаться в которой было бы безумием. Громкий, со всех сторон звучащий призыв веры не давал никому задуматься настолько, чтобы когда-либо серьезно и честно задать себе вопрос: кто я? что такое этот мир, пришедший ко мне как сон, начало которого я не помню? - Но кто же может, не задав себе загадки, решить ее? Об исследовании природы нечего было и думать: это навлекло бы подозрение в колдовстве. История молчала; древние были, по большей части, недоступны; изучать их было опасно. Аристотеля читали в весьма дурных, искажающих смысл сарацинских переводах и почитали как сверхчеловека - именно потому, что не понимали его. Но и в те времена, и среди схоластиков жили люди, выдающиеся духовно и одаренные большой силой мышления. Их судьбу можно понять из сравнения: представьте себе живого человека, с детства посаженного в тюрьму, без занятий и без общества; из немногих окружающих его предметов он построит мир и населит его порождениями своей фантазии. Так и схоластики, запертые в своих монастырях, лишены отчетливых понятий о мире, природе, древности, истории, единственно лишь со своею верою и своим Аристотелем построили христианско-аристотелевскую метафизику;

единственным материалом для постройки служили им в высшей степени абстрактные понятия, далекие от всякой наглядности: ens, substantia и forma accidentalis, qualitas, quantitas (конечное, субстанция и акциденция, качество, количество (лат.). - *Примеч. Сост.*) и т.д. Реальных же познаний у них не было совсем: церковная вера заступала место действительного мира - мира опыта. И как древние, а в настоящее время мы философствуем об этом действительном, данном в опыте мире, так схоластики философствовали о церковной вере: ее объясняли они, а не мир. Настолько далеки были они от реальных познаний, это с величайшей наивностью сказывается в том, что почти все их примеры взяты из мира сверхчувственных вещей; например: Sit aliqua substantia, e. c, Deus, Angelus, - ибо все подобное было им ближе, чем мир опыта.

Руководствуясь непонятой, да и, в таком совершенно искаженном виде, непонятой аристотелевской метафизикой, построили из таких абстрактных понятий и их развития некую философию, которая, однако, должна была во всех своих частях гармонировать с существующей и чудесным образом ей соответствующей церковною верою. Живой, деятельный дух, не зная, чем заполнить досуг, брал то, что единственно было у него в распоряжении, - эти абстрактные понятия, приводил их в порядок, расчленил, соединял, перевертывал их на все лады и даже в этом бесплодном занятии развешивал иногда изумительные силы, пронизательность, дар комбинирования, основательность, достойные лучшего материала. У схоластиков можно встретить даже немало верных и прекрасных мыслей, а также и поучительных исследований в области человеческого духа; но на чтение пространных писаний этих праздных мыслителей нужно затратить так много времени, что отваживаешься на это крайне редко.

Но когда свет возрожденной классической литературы пронизал своими лучами ночь схоластики и рассеял мрак, сделал умы людей восприимчивыми к лучшему и, в сущности, нанес первый удар церкви, за которым вскоре последовал другой, более сильный, - Реформация, тогда появились наконец в конце XVI столетия люди, которые учением и примером показали, что за теми временами, когда человечество упало так низко (в интеллектуальном отношении), что оно совершенно не смело полагаться в чем-либо на собственные свободные от всякого гнета духовные силы, даже считало это дерзновенным и преступным и уповало исключительно на откровение и творения древних, эти памятники благородного и более могучего поколения, - что за этими временами, говорю я, могли все-таки последовать другие, в которые человечество могло выйти из состояния несовершеннолетия и вновь приобрести собственные силы, стать на собственные ноги. Уже Карданус (итальянский философ, математик, врач Джероламо Кардано (1501-1576). - *Примеч. сост.*) дал пример самостоятельного исследования природы и самостоятельного размышления над жизнью. В особенности важно появление Бэкона Веруламского, преобразившего весь дух наук. Вместо того пути, которым шла вся схоластика и, отчасти, даже древние, от общего к частному, от абстрактного к конкретному, пути силлогизма, он предложил единственно правильный обратный путь - от частного к общему, от конкретного к абстрактному, от отдельного случая к закону, путь индукции, которая может отправляться исключительно от опыта. Он имел в виду не умозрительную философию, а эмпирическое знание, в особенности - естествознание. Все громные успехи естествознания за последние 200 лет, благодаря которым наше время взирает на все прошедшие времена как на детство человечества, имеют свои корни и отправной пункт в реформе Бэкона; последняя же была вызвана, конечно, духом времени. Бэкон был для естествознания тем же, чем

Лютер для церкви. Хотя он сам не занимался философскими умозрениями и, тем более, не создал системы, однако косвенно он был создателем истинного эмпиризма, который уже совершенно ясно был выражен его младшим современником Гоббсом и, наконец, принял законченный вид в лице Локка, система которого, по-видимому, была одною из необходимых стадий в истории развития человеческого духа. В Англии Локк царит, в сущности, до сих пор. Бэкон побудил также основать Королевское общество наук в Лондоне, и как от умозрения перешел он к экспериментации и возвысил более естествознание, чем философию, точно так, в духе Бэкона, и теперь еще в Англии понимают под *natural philisophy* опытную физику и под *philosophical transactions* самые нефилософские протоколы, именно - простые пересказы весьма ценных опытов.

Вообще, с начала XVII столетия мы можем различать в Европе два разных основных философских направления - английское и французско-немецкое. Хотя они и оказывали влияние друг на друга, однако по существу они весьма отдалены друг от друга и различны и идут каждое своею дорогой. Английское направление образуют Бэкон, Гоббс, Локк, Юм, учения которых находятся в решительной связи между собой и проникнуты одинаковым духом, - хотя Юм, как скептик, придерживается отрицания. Французско-немецкое направление образуют Картезий, Мальбранш, Лейбниц, Вольф. В сущности, совершенно независимо от обоих направлений по духу, хоть и под влиянием их формы, стоят два мыслителя в конце XVI и начале XVII века, в которых было, бесспорно, более философского глубокомыслия, серьезности и силы, чем во всех вышеупомянутых: Джордано Бруно и Бенедикт Спиноза. Они не принадлежат ни своему столетию, ни своим родным странам: всегда чуждые для них, они, столетия и страны, первого наградили смертью, а второго - преследованием и поношением. Их духовною родиной была Индия; там подобные воззрения исповедовались в древности, они же в силе и в настоящее время. В шутку можно сказать, что это были души браминов, воплощенные в наказание за их проступки в тела европейцев. Они не основали школы и непосредственно не повлияли, в сущности, ни на дух своего времени, ни на ход развития философии. Время их еще не созрело для них: лишь много позднее, только в XIX столетии, нашли они себе подобающий почет. Оба, как Бруно, так и Спиноза, были всецело проникнуты тою мыслью, что, несмотря на все разнообразие явлений в мире, во всех них проявляется лишь одна сущность, которая существует сама через себя, беспрепятственно обнаруживает себя, - и кроме нее не существует ничего; поэтому в их системах нет места Богу-Творцу, и самый мир называется ими, так как он существует через самого себя, Богом. Бруно весьма ясно отличает внутреннюю сущность мира (мировую душу) от ее проявления, которое он называет ее тенью и отображением (*ombra, simulacro*); [он] говорит, что множественность в вещах происходит не от внутренней сущности мира, а только от ее проявления, что эта внутренняя сущность целиком содержится в каждой вещи природы, ибо она неделима; наконец, что во внутренней сущности мира возможность и действительность - одно и то же.

Спиноза учит, в общем, тому же; он жил вскоре после Бруно; знал ли он его, нельзя сказать достоверно, однако это весьма вероятно. Он располагал меньшею ученостью; в особенности с древнею литературой был он знаком слабее, чем Бруно, и это очень жалко, потому что в форме изложения он всегда был связан тем, что давало ему время, т.е. понятиями схоластики, методом доказательства, который он называл математическим, картезианскою манерой развития мыслей и доказательства их; философия его непосредственно связана с философией Декарта. Потому он с великим трудом движется в этом аппарате понятий и слов,

созданных для того, чтобы выразить совершенно иные мысли, чем те, какие он хотел высказать; ему постоянно и приходилось бороться с этим аппаратом. Бруно располагал также познаниями по естествоведению, которых, по-видимому, недоставало Спинозе; Бруно излагает все с итальянской живостью, в диалогах, представляющих большой драматический интерес; голландец же Спиноза тяжело и осторожно движется в своих теоремах, доказательствах, короллариях и схолиях. Тем не менее учение обоих тождественно, оба они проникнуты одной истиной и одним духом, и нельзя сказать, который из них проникнут глубже, хотя Спиноза подходит к делу более основательно, методически и обстоятельно. В особенности учит он тому, что единая сущность проявляется под двумя формами, протяжением и мышлением, под которым он понимает представление; при этом он не замечал, что протяжение само относится к представлению и потому не может быть его противоположностью.

С этикой дело обстоит у обоих плохо: у Бруно, насколько я могу судить, этики нет совсем; Спиноза дает этику, хорошо задуманную, но весьма плохую, ибо чистая мораль выводится в ней из эгоистических принципов с помощью самых грубых и плоских софизмов. Подобно тому как в музыке фальшивые тоны оскорбляют слух больше, чем скверный голос, так и в философии непоследовательности, неверные выводы задевают более, чем ложные принципы; мораль же Спинозы соединяет в себе и то и другое: его отдельные положения о праве и многие другие сильнейшим образом оскорбляют чувство всякого мыслящего человека. Странно, что он назвал свою философию этикой; всегда наиболее привлекает то, к чему имеешь наименее дарования.

Я сказал уже раньше, что после борьбы между догматизмом и скептицизмом, тянувшейся на протяжении столетий через всю древнюю и новую философию в разнообразнейших видах, Кант наконец решил покончить с этим спором раз навсегда - с помощью исследования субъекта, познавательных способностей, чтобы навсегда установить, чего можно достигнуть на том пути, который до сих пор считали единственно возможным.

Этот путь состоял в том, что внешний мир, объекты рассматривались как существующие сами по себе, абсолютно реальные вещи, и тем не менее на основании принципов, считавшихся очевидными прежде всякого опыта, хотели решить, каким образом эти вещи созданы однажды навсегда: это называлось онтологией. Кант показал, что именно возможность для нас судить о свойствах вещей прежде всякого опыта доказывает, что они - явления, а не вещи в себе. И эта истина, согласно которой именно потому, что самые общие понятия о свойствах вещей этого мира мы имеем до всякого опыта, т.е. а priori, они, вещи, - лишь чистые явления, а не вещи в себе, что вещи в себе не таковы, какими они являются; и возникающее отсюда, из этой истины, различие между явлением и вещью в себе - вот истинное ядро всей Кантовой философии, и познание этой истины - дух ее.

Кант при этом настолько отклонил философию от рассмотрения внешнего мира - назад, к исследованию мира внутреннего, пролил столько света на субъект всякого познания, выяснил столь важное значение субъекта по отношению ко всякому возможному объекту, что для философии открылся совершенно новый путь, новая, дотоле неизвестная сфера, которой сам Кант еще не заметил, ибо силы его, сколь они ни необычайны, были исчерпаны тем, что он совершил: и так как он не мог вторично сделаться молодым и сызнова напрячь свои силы, то хотя он и много двинул человечество вперед, однако привел его к такому пункту, на котором оно не

могло оставаться даже в течение нескольких лет, тотчас же почувствовало потребность идти дальше и оттого стало считать своими духовными вождями первых встречных и поперечных (прокричало их, как великих пророков, хотя крик этот скоро опять затих) и пережило странный период бесчисленных нелепых порождений, эфемерных, отчасти чудовищных явлений, из которых слагается история философии этих последних 30 лет. Все это доказывает, что Кант меньше всего сделал то, что он думал, т.е. не достиг окончательного решения всех метафизических спорных проблем и конечного пункта успокоения в философии: как раз напротив, он открыл новый путь, который был столь соблазнителен, что на него вступало бесчисленное множество людей, хотя никто и не прошел его с некротковременным успехом и с осязательной пользой.

Уже из всего этого вы можете понять, насколько важны и богаты содержанием сочинения Канта; поэтому я каждому из вас рекомендую изучение их. Кто серьезно займется ими и окажется способным постичь его учение, тот, как я уже сказал вам раньше, совершенно иначе взглянет на мир, будет видеть вещи в ином свете - он более сознательно отнесется к себе и к вещам и заметит, что явление не есть вещь в себе. Так как я исхожу в том, что хочу изложить вам, из Канта, то, изучив его философию, вы поймете легче и совершеннее меня. Однако я не имею права в своих лекциях предполагать у вас знакомство с философией Канта - напротив, я буду вводить в них основные его учения и обстоятельно излагать их. Многое в учении Канта я нашел неверным и выяснил это в своей критике его философии. Те основные учения, которые я удержал, как раз наиболее просты - их изложение не требует большой пространности; поэтому я тем легче могу ввести их в свои лекции. Тем не менее кто благодаря изучению Канта в оригинале непосредственно испытал на себе совершенно особенное, невероятно благотворное влияние его необычайного ума, тот всегда будет иметь большое преимущество перед другими. Далее, чтобы понять Канта вполне и дотла, чрезвычайно полезно, даже необходимо, знать его предшественников, с одной стороны - Лейбница и Вольфа, с другой - Локка и Юма. Лишь после того, как, став благодаря Канту на высшую точку зрения и вооружившись таким превосходством, возвращаешься к этим учениям прошлого столетия, - лишь тогда видишь, в чем, собственно, был их недостаток, и удивляешься, каким образом можно было просмотреть столь важные вещи, столь резкие различия; и, поняв из этих учений, куда ведут эти недосмотры и ложные шаги, понимаешь самого Канта гораздо лучше, чем раньше, и вместе с тем научаешься правильно ценить всю огромность его заслуги. Совершенно подобную же пользу приносит вообще изучение истории философии. Она - история заблуждения; но заблуждения всюду перемешаны с истинами, и эти истины познаются полнее и основательнее, если научаешься обособлять, отделять их от столь разнообразных заблуждений, в тесной связи с которыми они выступали в различные эпохи.

К сожалению, мне невозможно проходить с вами историю философии. В часы наших занятий я должен стараться сообщать вам не мое изучение, а результаты моего изучения и моего мышления. Лучшее, чего я могу достичь, - это поставить вас на ту же точку зрения, на какой стою я сам; но я не могу показать вам всего того, что должно было произойти, прежде чем вообще возможно стало достичь этой точки зрения. Однако я буду пользоваться всяким случаем, чтобы по тому или другому поводу объяснять вам некоторые философемы из знаменитых систем, именно там, где, с нашей точки зрения, становится особенно ясным и то, что в них есть истинного, и то, где источник и где разрешение того, что есть в них ложного.

Часть первая

ТЕОРИЯ ОБЩЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ К ДИАНОЛОГИИ

Если нам нужно что-либо сделать в доме, то обыкновенно, прежде чем войти в него, мы бросаем взгляд наружу. Мы должны исследовать интеллект изнутри, т.е. исходя из сознания. Но прежде мы должны бросить на него беглый взгляд снаружи. С этой точки зрения интеллект - предмет в природе, свойство одного из порождений природы, животного и, преимущественно, человека. Таким образом, рассматривая его чисто эмпирически, без предвзятых мнений, мы должны считать его функцией человеческой жизни, притом, подобно всем функциям, связанной с определенной частью тела, с головным мозгом. Подобно тому как желудок переваривает, печень выделяет желчь, почки - мочу, testiculi - семя, так и мозг представляет, выделяет представления, причем отделение это (по открытию Флуранса 1822 г., *Memories de l'Acad. des sciences 1821-22, V, 5-7*) является функцией исключительно большого мозга, тогда как малый мозг заведует движениями. Таким образом, весь интеллект, все представления, все мышление является физиологической функцией большого мозга, передних частей полушарий, большой и малой lobi, corporis callosi, glans pinealis, septum lucidum, thalami nervi etc. Однако в этой функции есть некоторая особенность, ставящая ее гораздо выше желчи и слюны, выделяемых печенью и слюнными железами, именно следующая: весь мир покоится на этой функции, лежит в ней, обусловлен ею. Ибо мир существует лишь как наше (и всех животных) представление - следовательно, вполне от него зависит, и помимо представления - мира нет. Может быть, это покажется вам парадоксальным и найдется среди вас не один человек, вполне добросовестно думающий, что если и удалить мозг из всех черепов, то небо и земля, солнце, луна и звезды, растения и элементы все равно останутся. Действительно ли так? Присмотритесь к делу поближе. Попробуйте наглядно представить себе такой мир без познающего существа: вот Солнце, Земля вращается вокруг него, сменяются день и ночь и времена года, море разбивает о берег свои волны, прозябают растения; но все, что вы сейчас себе представляете, - это лишь глаз, который все это видит, интеллект, который все это воспринимает; т.е. именно то, что вы *ex hypothesi* исключили. Вы не знаете никакого неба и земли, месяца и солнца самих по себе и в себе, а знаете лишь представление, в котором все это происходит и является, - не иначе, как являются вам ночью сны; и как пробуждение поутру уничтожает весь этот мир сновидений, так и весь мир, очевидно, был бы уничтожен, если бы уничтожить интеллект или, как мы только что выразились, удалить мозг из всех черепов. Я прошу вас не думать, что это шутка: я говорю совершенно серьезно. Мы не касаемся здесь тех следствий, которые вытекают лишь с целью обратить внимание на великое значение и на высокое достоинство интеллекта, который послужит предметом наших дальнейших исследований, причем мы будем исходить теперь изнутри, из сознания интеллекта: это будет самонаблюдением интеллекта.

О КОНЕЧНОСТИ И НИЧТОЖЕСТВЕ ЯВЛЕНИЙ

Если, как было уже показано, закон основания во всех своих видах служит для субъекта принципом зависимости, относительности, конечности всех объектов; если,

как мы только что видели, всю истинную сущность каждого класса объектов можно свести на отношение, определяемое в нем законом основания, так что познание известного вида отношения включает и познание сущности данного класса представлений, - то отсюда следует, что в силу закона основания, как общей формы всех объектов субъекта, эти объекты находятся сплошь во взаимном отношении, и существование их - лишь относительное, обусловленное, а не абсолютное, пребывающее само по себе. Та неустойчивость, которую сообщает объектам закон основания, наиболее ясно и очевидно проявляется в простейшем его виде - во времени: в нем каждое мгновение существует лишь постольку, поскольку оно уничтожает породивший его предшествующий миг, чтобы в свою очередь тотчас же погибнуть: прошедшее и будущее столь же недействительны, как любой сон, - лишь настоящее существует действительно; но настоящее - только лишенная протяжения грань между прошедшим и будущим: что только что было настоящим, уже отошло в прошлое.

То же ничтожество, которое очевидно для нас во времени, свойственно закону основания во всяком виде, а также и каждому классу объектов, над которым он господствует; ибо, как было показано, сущность его, класса, заключается именно лишь в отношении, полагаемом им, законом, в нем, классе; поэтому все, что приложимо к отношениям, можно распространить и на всю сферу представления. Место в пространстве всегда лишь относительно, определено чем-то другим. Мы никогда не знаем нашего абсолютного места, а только относительно. Где мы находимся? - там-то и там; мы знаем ближайшие, окружающие нас границы; последние имеют свои границы и т.д. - в бесконечность; ибо пространство бесконечно; мы знаем отношения занимаемого нами места к ближайшему пространству; но как бы далеко ни простиралось наше знание, все-таки вся эта часть пространства останется конечною и ограниченою, само же пространство бесконечно и безгранично, так что занимаемые нами места и положения теряют в сравнении с ним всякое значение, совершенно исчезают, становятся бесконечно малыми, и наше пребывание где бы то ни было - все равно что пребывание нигде.

Господствующий в классе наглядных представлений, или реальных объектов, закон причинности порождает в них ту же ничтожность, которая присуща основной форме этих представлений - времени. Подобно тому как время никогда не стоит на месте, так и ничто не пребывает в нем, за исключением материи как таковой, что мы ввели из совместного действия времени и пространства. Материя доступна созерцанию не сама по себе, а лишь вместе с формой; все же состояния материи, все формы постигаются лишь в непрестанном возникновении и уничтожении; они и возникают, и погибают благодаря причинам, всегда зависят от причин, и вся сущность мира сводится к непрестанному изменению и чередованию. Как самые время и пространство, так и все находящееся в них имеет лишь относительное бытие, существует лишь через другое и для другого, подобного ему, т.е. опять-таки относительного; ничто поэтому не существует само по себе, ничто не пребывает. Под нашими руками исчезает всё, не исключая и нас самих.

Итак, мы видим, что так как закон основания в различных его видах является формой всякого объекта, то и всякий объект подвержен той же конечности, временности, зависимости, неустойчивости, относительности, истинным принципом которых служит этот закон; поэтому бытие всякого объекта лишь относительно; он есть, и его опять нет. Это воззрение в своей сущности весьма древне, и живое и постоянное сознание его, по-видимому, является даже особенностью философских умов; оно-то главным образом и наводит их всегда на размышления. Поэтому мы

видим, что уже Гераклит сетует на вечный поток вещей. Элеаты говорят о некоей пребывающей сущности, которая вечно есть и вечно равна себе, неподвижна и неизменна (ametablon); они отрицают всякое бытие у движущегося и изменяющегося, считают это чистой видимостью. Платон называет все вещи этого мира непрестанно становящимся, но никогда не сущим, что поэтому никогда и не может быть предметом знания, а лишь мнения, опирающегося на ощущение. И как о противоположности этому становящемуся он говорит о вечно сущем, никогда не возникающем и никогда не погибающем, о вечных идеях, о которых единственно и возможно истинное знание и понимание, suo loco. - Христианство весьма удачно называет этот мир временным, согласно простейшей форме закона основания, прототипу всех других, - времени, и в противоположность миру временному говорит о вечности. - Спиноза учил, что единственно сущее - это вечная субстанция, вселенная, познаваемая sub specie aeternitatis (с точки зрения вечности (лат.). - *Примеч. сост.*), а не во времени: вечная субстанция существует сама чрез себя и не нуждается в чем-либо другом, как в своей причине; она остается всегда себе равной; все же во времени возникающее и погибающее, движущееся и многообразное - лишь акциденции этой пребывающей сущности. - Великий Кант объявляет все, представляющееся во времени и пространстве как причина и действие, чистым явлением, в противоположность вещи в себе, которой чужды все эти формы.

Именно это воззрение, подробно изложенное и разъясненное, будет лежать в основе всех наших последующих рассуждений. Именно это же воззрение находим мы и на Востоке, у самого мудрого и самого древнего из всех народов - у индусов; в своей мифологии и народной религии они приблизительно так выражают это воззрение: весь этот воспринимаемый мир есть лишь ткань майи, которая, как покрывало, наброшена на глаза всех смертных и позволяет им видеть лишь такой мир, о котором нельзя сказать ни что он существует, ни что он не существует; ибо он подобен сну; его явление походит на отражение солнца в песчаной пустыне, которое издали кажется страдающему от жажды путнику водою, или же на брошенную веревку, которую он принимает за змею.

Во всех этих, столь различных, выражениях философствующих умов узнаем мы одно и то же основное воззрение - сознание неустойчивости, относительности и потому тленности всех вещей, которым приписывается в силу этого не истинное, а лишь кажущееся бытие. Мы же свели это свойство всех являющихся вещей, т.е. всех объектов субъекта, к их внутреннему и общему корню. Во-первых, вещи - лишь представления; следовательно, они, как такие, обусловлены субъектом и уже поэтому лишь относительны - лишь явления, а не вещь в себе. Во-вторых, общею формою их служит закон основания, представляющийся в различных видах, но в сущности своей единый; он проявляется как время, пространство, причинность, мотивация, как основание познания. Мы видели, в чем все эти формы одинаковы между собой и в чем различаются, и узнали, что так как они сходятся в одном общем выражении, именно законе основания, то они должны также проистекать из одного первичного свойства нашей познавательной способности: корень закона основания.

Часть вторая

МЕТАФИЗИКА ПРИРОДЫ

Вторая часть моих исследований носит заглавие "метафизики"; чтобы отделить ее от двух следующих частей, я называю ее метафизикой природы - хотя в этом названии, в сущности, кроется тавтология. Предварительно мы объясним значение слова "метафизика". Все вы уже неоднократно слышали это выражение; но вам, по-видимому, было бы трудно определенно выразить его смысл, ибо с течением времени он приобрел много значений и его приспособляли к самым различным системам. "Метафизика" - вот прекрасное слово! "То, что лежит по ту сторону природы и чисто естественного, по ту сторону опыта, - или познание того, что лежит в основе явлений природы, что раскрывается в природе" - познание того ядра, оболочкою которого служит природа; познание той сущности, простым символом которой является опыт; в таком смысле слово это звучит очаровательно для всякого человека, предрасположенного к глубокому мышлению, не довольствующегося явлениями мира, а стремящегося познать истинную его сущность. Этот смысл дает уже этимология слова, и в этом именно значении и я, вообще говоря, принимаю слово "метафизика". И я думаю, что такой смысл вполне совпадает с первоначальным значением слова. А именно, я нашел, что наше познание мира не ограничено одними только явлениями, но что у нас во всяком случае имеются данные к познанию внутренней сущности мира, лежащей в основе всех его явлений, к познанию его внутренней сущности и ядра и, следовательно, так как природа - лишь явление, той внутренней сущности, которая лежит по ту сторону природы, к познанию "вещи в себе" природы; учение о таком познании образует вторую часть, к которой я теперь и приступаю; сообразно с этим она и называется метафизикой, или же, хотя и тавтологически, но более определенно, - метафизикой природы.

Часть третья

МЕТАФИЗИКА ПРЕКРАСНОГО

Я буду излагать здесь не эстетику, а метафизику прекрасного - поэтому не нужно ожидать от меня, например, технических правил касательно отдельных искусств. И в этой части, как и в логике и, позднее, в этике, наше исследование менее всего направлено на практическую сторону, в форме указаний технического, прикладного характера: мы философствуем вообще, т.е. подходим к делу чисто теоретически. Эстетика относится к метафизике прекрасного, как физика - к метафизике природы. Эстетика учит тем путям, на которых можно достичь воздействия красоты; она дает искусствам правила художественного творчества. Метафизика же прекрасного исследует внутреннюю сущность красоты, как в отношении к субъекту, воспринимающему красоту, так и к объекту, который вызывает ее в субъекте. Сообразно с этим мы будем здесь исследовать, какова общая цель всех искусств, цель искусства вообще и, наконец, каким образом каждое из отдельных искусств достигает этой цели на своем специфическом пути.

Все это рассмотрение прекрасного мы предпринимаем не праздно, не ex pinc, не потому, что нам теперь именно пришла в голову мысль о существовании также прекрасного и искусства: нет, это рассмотрение составляет необходимую часть в общей системе философии, связующее звено между рассмотренной уже метафизикой природы и следующей за нею метафизикой нравов; оно гораздо яснее осветит метафизику природы и во многом подготовит метафизику нравов. А именно, мы рассмотрим прекрасное как наше познание, как совершенно особый способ познания и зададимся вопросом, к каким выводам можно прийти, на основании

метафизики прекрасного, обо всей совокупности нашего мировоззрения.

Часть четвертая

МЕТАФИЗИКА ПРАВОВ

Философия не имеет иной цели, кроме объяснения и истолкования действительности; она может лишь привести к отчетливому абстрактному познанию разумом - притом во всех отношениях и со всякой точки зрения - той самой сущности мира, которая *in concreto*, т.е. как чувство понятна всякому человеку. - Именно таким образом мы будем обсуждать теперь поведение человека и найдем, что поведение не только с субъективной, но и с объективной точки зрения - самый важный предмет рассуждений. При этом я буду опираться на изложенное выше как на предпосылки; в сущности, я буду лишь развивать ту единую истину, которая образует всю совокупность философии, - на этом предмете, как ранее на других.

Вступление к последней главе

ОБ ОТРИЦАНИИ ВОЛИ К ЖИЗНИ, ИЛИ ОБ ОТРЕЧЕНИИ И СВЯТОСТИ

В сущности, мы подошли уже с рассмотрением моральной значительности поведения человека к концу. Сущность права и неправды, добродетели, порока объяснена и истолкована на основании нашей метафизики природы. И потому я мог бы на этом покончить свои лекции. Однако я посвящу еще одну главу обсуждению такого предмета, который до сих пор еще никогда не привлекался философами к рассмотрению: отречения. Относительно этого пункта мне придется выслушать много возражений, и я предупреждаю вас об этом, чтобы вы остались тем более свободными в вопросе о том, следует ли со мною согласиться или нет. Тем не менее эта глава об отречении составляет весьма существенную часть моего мирозерцания. Ибо сущность отречения - в отрицании воли к жизни. Лишь это рассмотрение отрицания воли к жизни завершает целое здание моей философии, так как лишь благодаря ему бытие мира представляется относительным, именно - вполне зависимым от вечно свободной воли, которая может как желать мира, так и не желать его. Мир для нас - именно лишь проявление, отображение воли к жизни, и через это отображение воля познает самое себя; ее собственная сущность дается ей как представление. Поэтому нам нужно рассмотреть, какое обратное действие на саму волю может иметь это познание, и лишь через это рассмотрение мы только и познаем конечную цель и смысл мира явлений. - Далее, мы узнали, что бытие по существу связано со страданием - естественным образом возникает вопрос: осуждены ли мы на это страдальческое бытие каким-то неотвратимым роком навеки, или же возможно освобождение от страданий; ибо доказано, что смерть не выводит нас из мира, равно как и рождение, в сущности, не вводит в него: лишь наше явление имеет начало и конец, а не наша сущность в себе.

Эта последняя глава разъясняет все эти вопросы и вместе с тем кладет завершающий камень целого здания. Вам предоставляется свобода соглашаться с этим или нет. Однако раз навсегда заметьте, что все мои размышления относительно этики никогда не имеют формы закона или предписания - я никогда не

говору, что должно делать и чего нельзя: я всегда остаюсь в теоретической области и лишь разъясняю, истолковываю всякого рода действия и излагаю в понятиях, что при этом происходит внутри нас.

Основное положение всех наших прежних этических рассуждений о праве, неправде, добродетели, пороке было заимствовано из метафизики природы, в которой (метафизике) нам стало очевидным единство вещи в себе при множестве ее проявлений. В последней главе об отречении или освобождении от воли я имею в виду больше третью часть, метафизику прекрасного, поскольку мы уже там, в эстетическом созерцании, которое представляет собою познание идей, нашли состояние безвольного познания, т.е. состояние, в котором мы пребываем, не воля ~ минутное освобождение от воли. Итак, к делу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЫ

Мрак, покрывающий все наше существование, мрак, чувствуя который, Лукреций восклицает:

Qualibus in tenebris vitae, quantisque periculis

Degitur hoc aevi quodcumque est! (В скольких опасностях жизнь, в каких протекает потемках этого века ничтожнейший срок! - *Примеч. сост.*), -

этот мрак, который вызывает за собою потребность в философии и который философские умы в отдельные мгновения сознают настолько живо, что могут показаться другим людям почти что сумасшедшими, - его нужно, следовательно, пытаться объяснить не таким образом, что мы отрезаны от некоего первоначального света, или что наш кругозор ограничен каким-либо внешним препятствием, или же что сила нашего духа несоизмерима с величию объекта, - согласно всем этим объяснениям, мрак жизни лишь относителен, существует лишь по отношению к нам и к нашему познанию. Нет, он абсолютен и первоначален: он объясняется тем, что внутренняя и изначальная сущность мира не познание, а только воля, нечто бессознательное. Познание вообще - вторичного происхождения, оно лишь акцидентально и внешне. Поэтому мрак жизни не есть случайное теневое пятно среди освещенного поля; наоборот, познание - это свет среди безграничной изначальной тьмы, в которой оно теряется. Поэтому мрак жизни тем заметнее, чем сильнее свет, потому что последний тем более соприкасается с границей мрака; т.е. я хочу сказать, что чем интеллигентнее человек, тем более замечает он, какой мрак его окружает, - и поэтому в нем пробуждается стремление философствовать. Напротив, тупой и заурядный человек совершенно не знает даже, о каком, собственно, мраке идет речь: он все находит совершенно естественным; поэтому он имеет потребность не в философии, а лишь в исторических сведениях о ней, в истории философии.

Источник: Шопенгауэр А. Введение в философию; Новые паралипомены; Об интересном: Сборник / Пер. с нем.; Худ. обл. М. В. Драко. - Мн.: ООО "Попурри", 2000. - 416 с. - С. 3-54.